

Гости едва успели переступить порог и обменяться первыми дежурными фразами, как Морис — с присущей ему бескомпромиссной решимостью — увлек Роджера в сторону. Поднявшись по лестнице, они скрылись в кабинете для приватной беседы.

Глядя им вслед, Хань Цзин примиряюще улыбнулся:

— Морис кажется холодным, да и методы у него жесткие, но человек он неплохой. И как начальник всегда судит справедливо.

Гленн сделал глоток кофе и мягко рассмеялся:

— Оставим службу за порогом. Мне показалось, ты сегодня сам не свой. Из-за того, что он не пришел?

— Он? — Хань Цзин на мгновение растерялся, не зная, что ответить.

Человек, которого он любил всем сердцем, находился прямо в этом доме. Но заявить об этом открыто было невозможно — особенно после того, как Морис ожёг его ледяным, колючим взглядом.

«Неужели всё это лишь мои иллюзии?.. Мои безответные чувства?..»

Хань Цзин сжал чашку с горячим кофе, но пальцы его оставались неестественно холодными. Скрывая щемящую тоску, он натянуто улыбнулся и солгал:

— Мы договаривались встретиться, но в последний момент у него возникли неотложные дела. Он просил передать тебе самые теплые пожелания.

Гленн был на редкость проницателен. Тот, кто сумел полностью приручить и подчинить своей воле такого ветреного повесу, как Роджер, без труда читал между строк. Он сразу понял, что младший сокурсник лжет, но деликатно промолчал.

— Передай ему мою благодарность, — мягко отозвался Гленн. — Надеюсь, в следующий раз он обязательно заглянет к нам.

Он слегка пошевелился, устраивая поудобнее потяжелевшее тело, и с улыбкой окинул взглядом Хань Цзина — тот выглядел чересчур строго, даже немного старомодно.

— Знаешь, за разговорами я совсем забыл. У меня есть кое-что для тебя. Пойдем, пока они заняты наверху...

Хань Цзин поправил дужку очков и послушно последовал за Гленном в гостевую комнату по правую сторону от лестницы.

Гленн зажег свет и достал из ящика тумбочки блистер с контактными линзами марки «VIC». Вложив их в ладонь Хань Цзина, он предложил:

— Попробуй примерить.

Заглянув Хань Цзину в глаза, он серьезно добавил:

— Хань Цзин, мы с Роджером относимся к тебе как к родному. Ты для нас не просто младший сокурсник, ты член семьи. Поэтому я буду предельно откровенен. Всё, что я скажу, только ради твоего блага.

Гленн мягким, но уверенным жестом снял с его переносицы тяжелые роговые очки. Посмотрев на открывшееся лицо, он одобрительно кивнул:

— Раз уж ты решил завоевать чье-то сердце, тебе нужно заняться своим стилем. Даже птицы в дикой природе распускают яркие перья, чтобы привлечь пару. Тебе тоже стоит подумать об одежде и прическе. И первым делом избавься от этих жутких, допотопных очков.

Он усмехнулся:

— Роджер раньше совсем не уделял этому внимания, но теперь за тебя возьмусь я. По крайней мере, мы сделаем так, чтобы ты перестал выглядеть неотесанным сухарем.

Без очков мир вокруг расплылся в туманное марево. Хань Цзин, носивший их больше десяти лет, почувствовал себя беззащитным и невольно заулыбался:

— Мне и так было неплохо... Да и старший сокурсник Роджер никогда не говорил, что со мной что-то не так.

— Еще бы он говорил! — рассмеялся Гленн. — Чем незаметнее ты выглядишь, тем выгоднее на твоём фоне выделяется его собственный изысканный вкус.

Гленн все-таки заставил его надеть линзы. Когда процедура была позади, он отступил на шаг и залюбовался. Черты лица Хань Цзина оказались на удивление гармоничными: прямой, аккуратный нос, ясные, глубокие глаза. Конечно, ему не доставало ослепительной, хищной красоты холодного Мориса, но в его облике сквозила мягкая, утонченная элегантность — он напоминал прозрачный весенний ручей, дарящий покой и умиротворение.

Гленн удовлетворенно улыбнулся:

— Стоило снять очки, и перед нами совсем другой человек. Начни ты уделять внешности хотя бы немного внимания, ваши отношения с избранником пошли бы куда быстрее.

Хань Цзин с сомнением взгляделся в собственное отражение. Новое лицо казалось ему чужим.

— Не думаю, что для него важна внешность... — негромко произнес он.

— Возможно. Но когда вы выходите в свет вместе, ты ведь не хочешь, чтобы он из-за тебя чувствовал себя неловко? Верно?

Глядя на улыбающегося Гленна, Хань Цзин мысленно перенесся в бутик «Моника». Он вспомнил Мориса — блистательного, безупречного, недостижимого, словно божество. Разница между ними была как между небом и землей.

«Действительно... Мы ведь из совершенно разных миров. Если я не сделаю шаг навстречу, не попытаюсь измениться, эта пропасть между нами станет непреодолимой».

Эти мысли отозвались легкой грустью в груди, но Хань Цзин искренне улыбнулся Гленну:

— Спасибо тебе, Гленн.

Тем временем Роджер и Морис закончили беседу и вышли из кабинета. Спускаясь по лестнице, Морис вдруг небрежно, но ледяным тоном спросил:

— Роджер... У Хань Цзина есть кто-то на примете?

Тот опешил, не понимая, к чему клонит командующий:

— Кажется, да, генерал.

«Я люблю тебя, Морис...»

Внезапно в памяти Мориса вспыхнул этот тихий, согретый ночной страстью шепот. Голос, который преследовал его в грезах, ласковый и безумно знакомый. Морис пытался вытравить его из мыслей, но сейчас эти слова отозвались в его холодном сердце волной пугающего, дрожащего тепла.

«Неужели это был он?!»

В глубине ледяных глаз Мориса промелькнуло мимолетное смятение. Он не понимал собственных чувств, ощущая лишь странную, непривычную тревогу, медленно поднимавшуюся

со дна души.

Роджер не заметил душевного смятения генерала. Его внимание привлек сидевший на диване Хань Цзин. Роджер театрально всплеснул руками:

— Глазам своим не верю! Куда ты дел очки?! Тебе вообще хоть что-то видно?!

Хань Цзин порывисто поднялся и по привычке потянулся к переносице, но, нащупав лишь пустоту, смущенно улыбнулся:

— Гленн подарил мне линзы, старший сокурсник...

— Ну, что я говорил? — тихонько шепнул Гленн на ухо Хань Цзину, с удовольствием наблюдая за вытянувшимся лицом мужа.

Хань Цзин кивнул, его взгляд невольно метнулся к Морису. На долю секунды ему показалось, что в глазах генерала промелькнуло странное, потерянное выражение, но оно тут же сменилось привычным ледяным равнодушием. Словно это был лишь обман зрения.

Морис резко отвел взгляд. Его лицо окаменело, но в мыслях уже бушевал пожар. Воспоминания, точно сухая осенняя листва, вспыхнули от одной-единственной искры. Он вновь почувствовал себя запертым в иллюзии Атлантиды. Как бы Морис ни презирал узы плотского влечения, тот бесконечный, похожий на целую жизнь морок оставил неизгладимый след не только в душе Хань Цзина, но и в его собственной. Пережитые там муки и унижение ввелись под кожу. Он не мог заставить себя признать их, а потому заживо похоронил эти чувства в самых темных глубинах памяти, заставив себя забыть.

Но сейчас новый облик Хань Цзина до боли точно совпал с образом из его стертых воспоминаний. Морис думал, что излечился, но внезапно осознал: он помнит всё. И это открытие отозвалось в нем глухим, липким страхом.

Темные глаза Хань Цзина светились мягким, почти осязаемым теплом. Он подошел ближе, заглядывая в лицо генерала, и тихо произнес:

— Сегодняшний ужин обещает быть особенным. Приготовили несколько традиционных восточных блюд, надеюсь, тебе понравится.

Морис незаметно отступил назад, увеличивая дистанцию. Он отчаянно цеплялся за свою маску, не желая выдавать охватившее его волнение. Ограничившись сухим, вежливым кивком, он всем своим видом показывал, что приближаться к нему не стоит.

Хань Цзин на мгновение замер, но не отступил. Проявляя завидное упрямство, он продолжал разговор, пытаясь расшевелить эту непрístupную ледяную глыбу.

Морису приходилось отвечать. Лишь когда они наконец расселись за обеденным столом, и он оказался напротив Хань Цзина, генералу удалось вернуть утраченное самообладание и привычный холодный покой.

Благодаря природному обаянию Гленна ужин проходил в непринужденной и теплой атмосфере.

Морис неторопливо орудовал ножом и вилкой. Поймав на себе очередной внимательный взгляд Хань Цзина, он не выдержал и заговорил первым:

— Зачем нужно было менять линзы? Очки ведь тебе вполне шли.

Гленн тут же вмешался с улыбкой:

— Зато посмотри, как он преобразился! Стал выглядеть намного увереннее, да и благородства в облике прибавилось.

— Полностью согласен, — весело поддакнул Роджер. — Совсем другой человек. И прическу, кажется, немного поправил — теперь такой утонченный, интеллигентный вид, никакой прежней серости. Но тебе точно удобно, Хань Цзин? Все видишь?

— Отлично вижу, — улыбнулся тот в ответ. — Это последняя модель от «VIC», они автоматически подстраивают фокус.

Гленн так и сиял довольством:

— Вот и отлично. Больше никогда не надевай ту допотопную оправу. Думаю, твой непосредственный руководитель тоже разделит наше мнение. Скажите, господин Морис?

Морис посмотрел на Хань Цзина. Под этим мягким, любящим взглядом его пальцы, сжимавшие приборы, на миг одеревенели.

— Ему идет, — коротко обронил он и поспешно опустил глаза, возвращаясь к своей тарелке.

Но стоило ему замолчать, как к горлу снова подступила противная, изматывающая тошнота. Слуги как раз внесли в залу блюдо с золотисто-оранжевыми семизвёздными крабами.

«Да что со мной такое?..»

Морис не понимал, что происходит с его организмом. За долгие годы службы в армии он практически не болел — даже суровый климат Харона не мог пошатнуть его крепкое здоровье.

«Почему именно сейчас?..»

Он незаметно прижал ладонь к животу. Аромат свежеприготовленных морепродуктов, наполнивший комнату, внезапно показался ему удушающим и вызвал новый приступ тошноты.

— Это наше главное блюдо на сегодня — семизвёздные крабы, — прервал его мысли голос Хань Цзина. — Их приготовили на пару по традиционному восточному рецепту, чтобы сохранить чистый, природный вкус. Попробуй, Морис.

Хань Цзин ловко разломил панцирь краба на своей тарелке, показывая правильный способ разделки.

— А потом макаешь нежное мясо и икру в уксусный соус. Вот так, попробуй.

Глядя на искреннее воодушевление Хань Цзина, Морис не решился отказать. Пересилив тошноту, он потянулся к тарелке и взял краба, от которого исходил едва уловимый йодистый запах моря. Тонкие, изящные пальцы генерала привычным движением вскрыли прочный панцирь — его манеры были безупречны.

— Ты уже пробовал это блюдо раньше? — удивился Хань Цзин.

Морис сдержанно кивнул и отправил в рот кусочек крабовой икры. Желудок тут же отозвался спазмом, заставив его едва заметно нахмуриться. Ему и раньше доводилось пробовать этот восточный деликатес, но никогда еще запах рыбы и моря не казался ему настолько отвратительным. Лишь благодаря кислому соусу Морису удалось проглотить кусочек и не выдать себя.

— Вкусно, правда? — с улыбкой спросил Хань Цзин. — Но в восточной медицине крабовое мясо считается холодным продуктом, оно может навредить желудку. Тебе стоит выпить чарку теплого рисового вина, чтобы согреться и разогнать холод.

Морис послушно принял из его рук чашу с подогретым вином. Но стоило ему сделать первый глоток, как он горько об этом пожалел. Морис поспешно прижал ладонь к губам: внутри все перевернулось, подавленный было спазм с новой силой рванул вверх.

К счастью для него, всеобщее внимание мгновенно переключилось на Гленна.

Тот внезапно побледнел, резко отвернулся и, согнувшись, шумно закашлялся от подступившей тошноты.

— Что с тобой?! — Роджер в один миг оказался рядом, бережно обнял мужа за плечи и принялся осторожно гладить его по спине. — Только же все было хорошо... Пойдем наверх, приляжешь?

— Всё в порядке... — выдавил Гленн, пытаясь улыбнуться через силу. — Видимо, восточная кухня все-таки не для меня. Хотел согреться глотком вина, а организм взбунтовался. Давно у меня не было такой бурной реакции...

Видя, как побелели губы супруга, Роджер не на шутку встревожился и жестом подозвал слугу:

— Никаких возражений, Гленн, ты идешь в спальню. Тебе нельзя переутомляться, ты носишь двоих. Врач строго-настрого велел беречь себя на этом сроке.

— Послушай меня, любимый, — Роджер нежно поцеловал Гленна в мягкие светлые волосы, но в его голосе прозвучали непреклонные, собственнические нотки.

Гленн мягко положил ладонь на свой уже заметно округлившийся живот. В его глазах вспыхнула безграничная нежность пополам с тревогой за малышей. Он послушно кивнул и с помощью мужа поднялся со стула, виновато улыбнувшись гостям:

— Простите мне мою слабость. В моем положении приходится капризничать. Вынужден покинуть вас раньше времени.

Морис, с трудом сдерживая рвотные позывы, поднялся из-за стола и вежливо поклонился уходящему хозяину дома.

Роджер изначально планировал выкроить минутку и устроить Хань Цзину хорошую головомойку за то, что тот притащил с собой эту ледяную глыбу — генерала Мориса. Однако из-за внезапного недомогания Гленна все его мысли были заняты только супругом. Морис тоже чувствовал себя из рук вон плохо, а Хань Цзин прекрасно видел, как Роджер рвется наверх, к мужу. В итоге ужин завершился скомкано и поспешно. Вскоре гости откланялись и покинули поместье в районе Палм.

Морис сидел на пассажирском сиденье, прислонившись виском к стеклу. Холодный ночной воздух, врывающийся в приоткрытое окно, не приносил облегчения — тошнота и не думала отступать. Внутри все болезненно сжималось и крутилось. Теперь он окончательно убедился, что заболел.

Заметив бледность и страдальчески нахмуренные брови спутника, Хань Цзин плавно сбросил скорость.

— Где ты живешь? Я отвезу тебя домой, — мягко предложил он.

Хань Цзин ожидал дежурного резкого отказа, но Морис лишь тяжело прикрыл глаза и после недолгого молчания тихо ответил:

— Район Вебер, Шестая авеню.

Хань Цзин бросил на него короткий взгляд. Вне стен Базы № 9 Морис казался совсем другим: исчезла его вечная командирская жесткость, осанка потеряла прежнюю струнную натянутость. Он бессильно откинулся на спинку кресла, и в мягком полумраке салона на его лице проступила глубокая, затаенная усталость.

«Неужели без своей генеральской маски он именно такой?..»

Размышляя об этом, Хань Цзин вывел машину на скоростное шоссе. В этот момент Морис, доселе хранивший молчание, негромко произнес:

— Сбавь скорость, Хань Цзин. Мне... нехорошо.

Он и сам не понимал, почему вдруг решил признаться в своей слабости именно этому человеку.

— Что случилось?! — у Хань Цзина болезненно сжалось сердце, но он послушно перестроился в крайний ряд и замедлил ход.

— Кажется, укачало. Нужно купить что-нибудь для желудка.

— Лекарство?.. — Хань Цзин, поддавшись внезапному нежному порыву, протянул руку, желая коснуться его щеки. Но стоило его пальцам задеть шелковистые золотые пряди, как Морис напрягся, окутав себя ледяной, предупреждающей аурой.

Он демонстративно отвернулся к окну:

— Езжай медленнее.

— Хорошо, — тихо отозвался Хань Цзин.

Он убрал руку, но перед этим ласковым движением поправил растрепавшиеся на ветру золотистые волосы генерала и мягко поднял стекло.

— Ночной ветер коварный, от него желудку станет только хуже, — негромко проговорил Хань Цзин. — Дома я приготовлю тебе легкий согревающий отвар или кашу. Знай я, что у тебя такая реакция, ни за что не позволил бы прикоснуться к этим крабам.

— Не нужно лишних хлопот. К утру все пройдет, — Морис продолжал упорно смотреть в окно, отрезая любые попытки позаботиться о нем своим неизменным ледяным тоном.

Хань Цзин не стал спорить. Уверенно сжимая руль, он мягко произнес:

— Сначала заедем в район Золотого берега, там есть круглосуточная аптека.

Ночной Золотой берег сиял неоновыми вывесками, шумел голосами праздной толпы и переливался всеми мыслимыми красками. По настоянию Хань Цзина Морис остался ждать в машине. Глядя сквозь стекло на теплый свет уличных фонарей и проходящих мимо улыбающихся людей, он внезапно поймал себя на забытом ощущении уюта. Такого тепла он не чувствовал уже очень много лет.

Воспоминания детства, точно пожелтевшие осенние листья, закружились в его сознании, принося с собой тоскливую нежность ушедшего лета и неизбежную прохладу наступающих сумерек.

— Мама... — едва слышно прошептал Морис.

На его обычно холодном и неприступном лице проступила горькая, щемящая нежность. И в этот момент в теплом круге фонарного света появился Хань Цзин. Он торопливо бежал обратно к машине, запыхавшийся, улыбающийся, с охапкой каких-то пакетов в руках. Этот его открытый, искренний силуэт заставил Мориса на секунду замереть, и в его ледяной душе незаметно растаял еще один осколок вечной зимы.

Хань Цзин распахнул дверцу, бережно уложил пакеты с продуктами на заднее сиденье и скользнул за руль. Повернувшись к Морису, он протянул ему небольшую упаковку:

— Вот, держи. Фармацевт сказал, это средство лучшее из всех, практически без побочных эффектов. Противопоказано только при беременности и болезнях сердца.

Морис принял коробочку. Картон еще сохранял тепло чужих пальцев.

— Сильно прихватило? Может, все-таки покажемся врачу? — обеспокоенно спросил Хань Цзин.

— Не нужно, пустяки, — в голосе Мориса снова зазвенели привычные стальные нотки. Не приученный к чужой заботе, он инстинктивно ошетинился, точно загнанный в угол зверь.

— Ну хорошо. Приляг пока, а я отвезу тебя домой.

Хань Цзин вдруг подался вперед и, прежде чем Морис успел среагировать, мягко запечатлел быстрый поцелуй на его холодных губах. Тут же отстранившись, он с самым невозмутимым видом завел двигатель, словно ничего не произошло.

Морис мгновенно окаменел. В глубине его глаз вспыхнула целая буря из гнева, растерянности и ледяного возмущения, однако кончики его ушей предательски окрасились нежным, едва заметным румянцем.

<http://bllate.org/book/19677/1960973>